

РАЗДЕЛ II

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.1 (342.1)

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-101-112

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО И ИНСТИТУТЫ СЕПАРАТИЗМА В ТЮРКСКИХ РЕСПУБЛИКАХ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

Диков А.Б.

Московский финансово-юридический университет

117342, г. Москва, ул. Введенского, д. 1а, Российская Федерация

Аннотация. Незавершенность процесса централизации страны 2000-х гг. и недостаточный уровень лояльности влиятельных региональных политиков ряда тюркских республик Российской Федерации федеральному центру могут вызвать там рост этносепаратизма. Упразднение федеральным законом институтов регионального президентства в республиках и принятый в июле 2016 г. пакет антитеррористических законов активизировали латентных сторонников пантюркизма и суверенизации среди государственных служащих, общественных, научных и религиозных деятелей в данных республиках России. Экономический кризис может создать условия для возникновения параллельных центров власти и влияния на основе общественно-политических структур и фондов бывших президентов этих регионов. В статье предложены меры по искоренению институционального и политико-идеологического наследия эпохи суверенизации и укреплению единства Российского государства.

Ключевые слова: региональное президентство, тюркоязычные республики России, элиты и контрэлиты, неформальные центры власти, пантюркизм, этносепаратизм, централизация.

REGIONAL PRESIDENCY AND THE INSTITUTIONS OF ETHNIC SEPARATISM IN THE TURKIC REPUBLICS OF RUSSIA: THE MODERN STAGE

A. Dikov

Moscow Finance and Law University

1a, Vvedenskogo str., Moscow, 117342, the Russian Federation

Abstract. As the process of centralization of the country in the 2000s was not completed and loyalty of influential regional politicians in a number of the Turkic republics of the Russian Federation to the federal center was insufficient it can cause the growth of ethnoseparatism

there. After the federal law abolished the institutes of regional presidency in the republics and the packet of anti-terrorist laws was accepted in July, 2016, latent supporters of pantyurkizm and sovereignization have become more active among state employees, public, scientific and religious figures of a number of the Turkic republics of Russia. The economic crisis can create conditions for the formation of parallel centers of power. Besides, former presidents of these regions can influence social and political structures and funds there. Measures for eradication of institutional and political and ideological heritage of the era of sovereignization, as well as measures for strengthening the unity of the Russian state are proposed.

Key words: regional presidency, the Turkic republics of Russia, elites and counter-elites, informal centers of power, panturkism, ethnic separatism, centralization.

Российско-турецкий межгосударственный конфликт 2015–2016 гг. выявил неоднозначные мнения среди представителей мусульманского духовенства, политиков, общественных деятелей наиболее крупных тюркоязычных республик России. Комплекс российских ограничительных мер 2015–2016 гг. в отношении Турции не вызвал полного одобрения даже среди государственных служащих этих регионов.

Данная проблема становится актуальной, учитывая, что именно крупнейшие по численности населения, ресурсному потенциалу и территориям тюркоязычные республики РФ – Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия) – в начале 1990-х гг. стали одними из лидеров процесса суверенизации. Это вызвало целый ряд негативных последствий для российского государства, среди которых – формирование авторитарно-этнократических режимов, рост регионального национализма и сепаратизма. Российско-турецкое внешнеполитическое противостояние выявило целый ряд потенциальных угроз Российскому государству, которые будут проанализированы в этой статье.

В новейшей истории отношения федерального Центра с республиками

РФ претерпели несколько этапов. Период суверенизации 1990-х гг. сменился в 2000-х гг. этапом централизации. Тогда с введением федеральных округов и дискуссий об укрупнении регионов отношения федерального Центра и ряда республик обострились. Ключевым в этом противостоянии стал вопрос о праве переизбрания на следующие сроки действующих президентов, избранных в 1991–1993 гг. Такие влиятельные лидеры, как Минтимер Шаймиев, Муртаза Рахимов, Руслан Аушев, Михаил Николаев не планировали оставлять свои должности даже несмотря на ограничение федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» (от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ) их полномочий двумя сроками подряд.

Политическое противостояние 2000-2001 гг. закончилось уступкой со стороны центральной власти. Федеральным законом от 8 февраля 2001 г. было внесено дополнение в указанный выше закон «Об общих принципах организации ...» [8]. Согласно этой поправке, весь предыдущий срок нахождения у власти действующих руководителей субъектов РФ не учитывался, а отсчет количества их каденций

начинался только с момента вступления в силу Федерального закона, то есть с 19 октября 1999 г. Это вызвало протест некоторых депутатов Государственной думы РФ, направивших запрос в Конституционный суд России. Однако конституционность Федерального закона от 8 февраля 2001 г. была подтверждена постановлением Конституционного суда РФ от 9 июля 2002 г. [6]. Действующие региональные президенты, в соответствии с законом от 8 февраля 2001 г., получили право выдвигать свои кандидатуры на ближайших выборах, баллотируясь на свой формально «первый», а фактически – на третий-четвертый сроки. Важно отметить, что выдвижение М. Шаймиева на свой третий президентский срок состоялось 27 января 2001 г., то есть еще до подписания указанного закона Президентом России. Хотя в итоге все формальности были соблюдены – статус официального кандидата на пост Президента Татарстана он получил только 14 февраля.

Данное политическое решение Кремля показало его неготовность идти на обострение конфликта с влиятельными региональными лидерами. В свою очередь, президенты также не решились на открытое противостояние с Москвой: наблюдая его последствия на Северном Кавказе, они стремились избежать повторения подобного сценария на своих территориях. В итоге, начатая реформа не смогла изменить характер политической власти на местах: большинство прежних руководителей тюркских республик остались на своих должностях. Лишь М. Николаев фактически под давлением Кремля в декабре 2001 г. отказался от участия в выборах в качестве кандидата на пост

президента республики Саха (Якутия). Но уже в 2002 г. он занял важный государственный пост заместителя председателя Совета Федерации, несмотря на свое неоднозначное отношение к политике Президента России в сфере федеративных отношений.

К середине 2000-х гг. установился неформальный внутриэлитный консенсус: федеральная власть и лидеры крупнейших тюркских регионов пришли к договоренностям и взаимным уступкам. Так как эти кулуарные договоренности не были формализованы или публично озвучены, то можно предположить, что от лидеров республик потребовалось следующее:

- 1) публичная лояльность Президенту России, членство в политической партии «Единая Россия»;
- 2) приемлемые для федерального руководства итоги федеральных выборов;
- 3) сохранение социальной стабильности и экономического роста;
- 4) выполнение налоговых обязательств перед федеральным бюджетом;
- 5) участие в борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом, поддержание межнационального мира и согласия.

В свою очередь федеральный Центр, видимо, гарантировал этим республикам:

- 1) отсутствие правовых ограничений по срокам пребывания на своих должностях действующих президентов; гарантии их неподсудности и сохранение статусных привилегий после отставок;
- 2) сохранение должности президента почти исключительно за представителем титульного этноса (этносов);

3) одобрение существующей культурной, образовательной и языковой политики;

4) почти полное невмешательство в региональную кадровую политику;

5) сохранение международных контактов с мусульманскими государствами и международными организациями.

Как показала практика, данное негласное межэлитное соглашение соблюдалось обеими сторонами. Но оно стало возможным только в условиях экономического роста и отсутствия явных внешних угроз, то есть в уникальных для России условиях. Новый порядок наделения полномочиями руководителей субъектов РФ по представлению Президента России, введенный в конце 2004 г., способствовал усилению влияния федерального Президента. Но даже такой действенный правовой инструмент в отношении республик применялся излишне деликатно: процесс вынужденных отставок многолетних региональных президентов тюркских республик завершился лишь в 2010 г, через 10 лет после провозглашения курса на укрепление властной вертикали.

С момента ухода от должности прежних руководителей республик часть их фактических властных полномочий переместилась из официальных резиденций в офисы их благотворительных фондов. Приведем пример одного из таких фондов, хотя аналогичные структуры имеются и у многих других экс-руководителей республик.

Бывший Президент Башкирии Муртаза Рахимов через несколько месяцев после своей досрочной отставки 15 июля 2010 г. возглавил совет соб-

ственного благотворительного фонда «Урал». В этом фонде планировалось аккумулировать 63 миллиарда рублей от приватизации предприятий башкирского ТЭК. При этом представители фонда поспешили заявить, что не собираются заниматься политической деятельностью, а только благотворительными проектами [5]. Фонд действительно финансирует объекты социальной инфраструктуры, здравоохранения, образования, спорта, культуры и другие социальные проекты.

Однако на официальном сайте «Урала» Муртаза Рахимов именуется в качестве «первого президента Республики Башкортостан в новейшей истории республики». Определяющая роль этого политика в процессе принятия Декларации о государственном суверенитете РБ и ее Конституции означает стремление Рахимова позиционироваться в качестве отца-основателя полиэтничного суверенного башкирского государства. Но еще в начале 2000-х гг. Конституционный суд России признал любые республиканские суверенитеты не соответствующими Конституции РФ. К тому же идея так называемого независимого Башкортостана не пользуется поддержкой «нетитульного» населения республики, что создает и усиливает конфликтный потенциал и межэтническую напряженность.

В названиях аналогичных фондов его бывших коллег также подчеркивается их статус первых президентов республик РФ и аналогичные претензии на учредительный характер президентства. Но таким статусом обладают только федеральные президенты, главы суверенных государств-членов ООН. И в редких случаях – президенты непризнанных государств.

Как показывает практика, различные некоммерческие и благотворительные организации могут выполнять целый ряд задач, реализуя как уставные, так и недеklarируемые цели. Подобные благотворительные и гуманитарные фонды с благозвучными названиями нередко становятся штабами «цветных революций». Это показали революционные события на Украине, в Грузии, Молдавии и Киргизии, где ведущая роль принадлежала именно институтам гражданского общества.

Вокруг подобных общественных организаций могут объединяться явные и скрытые сторонники бывших президентов российских республик: радикальные идеологи, журналисты, научные и общественные деятели; формальные и неформальные религиозные лидеры; готовые к массовым акциям молодежные, спортивные и военизированные объединения; работающие под прикрытием гуманитарных и образовательных организаций представители зарубежных спецслужб; лояльные прежнему режиму бизнесмены и государственные служащие; отставленные федеральным руководством бывшие коллеги-президенты из других российских республик; зарубежные покровители в разных столицах мира.

Несмотря на формальные уставные цели, данные фонды располагают необходимыми ресурсами и для выполнения важной политической миссии. Например, для возвращения к власти в республиках их бывших президентов либо их ставленников. Как минимум, с целью минимизации налоговых выплат в федеральный бюджет и воссоздания конфедеративно-договорных

отношений с Российской Федерацией.

Взросший в последние годы уровень пиар-активности фонда «Урал» создает необходимое конкурентное поле, стимулируя нынешнего Главу Башкирии Рустэма Хамитова и его команду работать более эффективно. Однако не исключено, что этот или другие подобные фонды могут стать параллельными центрами власти в республиках в случае масштабного социально-политического кризиса в стране. Они могут попытаться подменить собой официальные властные структуры, используя для этого все необходимые ресурсы. Дестабилизация ситуации объективно создаст общественный запрос на стабильность. И, следовательно, увеличит рейтинг бывших президентов, которые могут попытаться вернуться в большую политику.

Меры по централизации Российского государства 2000-х гг. дали некоторые значимые результаты, среди которых: усиление налоговой дисциплины республик, приведение регионального законодательства в соответствие с Конституцией России, устранение из публичного политического процесса некоторых радикальных политиков. Однако федеральным Центром не была дана оценка деятельности и идеологического наследия региональных сепаратистов первой половины XX в. и их антироссийской миссии. Также не была проведена публичная дискуссия о практикуемой в некоторых тюркских республиках политики этнической сегрегации при назначениях на престижные должности.

Именно эти причины приводят к оттоку из республик «нетитульного» населения и вызывают рост исламско-

го экстремизма, с которым Российской Федерации приходится бороться уже с помощью своих Воздушно-Космических сил. В настоящее время все более очевидной становится связь между радикал-сепаратистами во власти, которые в течение десятилетий подвергают критике почти любое решение федерального Центра, и ростом числа добровольцев с российскими паспортами в рядах ИГИЛ (запрещенная в России организация). Именно поэтому нынешняя консенсусная модель взаимоотношений между федеральной политической элитой и элитами крупнейших тюркских республик оказалась крайне неустойчивой уже при первых зримых внешних угрозах Российскому государству.

В целях укрепления собственной безопасности, в 2015-16 гг. Россия применила меры не только экономического, но и политико-гуманитарного воздействия на Турцию. В частности, был нанесен удар по институтам политического влияния турецкого государства, что является уже давно назревшей мерой. В течение десятилетий на территории целого ряда субъектов Российской Федерации осуществлялась деятельность Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ). Этот важный инструмент в руках официальной Анкары способствовал как достижению публично заявленных целей, так и латентных политических задач. Среди них – создание в тюркских регионах России протурецкого политического класса, разделяющего идеи пантюркизма.

27 ноября 2015 г. министр культуры РФ Владимир Мединский направил правительственную телеграмму в адрес глав республик Алтай, Башкор-

тостан, Саха (Якутия) Татарстан, Тыва и Хакасия о незамедлительном прекращении контактов с Международной организацией тюркской культуры (ТЮРКСОЙ). «Довожу до вашего сведения позицию Минкультуры России о необходимости незамедлительного прекращения всех контактов субъектов РФ с международной организацией ТюрКСОЙ», – говорилось в этой телеграмме [3]. Это решение федерального министра вызвало целый ряд критических комментариев, что подтверждает необходимость скорейшего решения назревшей проблемы.

Показательной стала позиция председателя комитета по образованию, культуре, науке и национальным вопросам Государственного совета Республики Татарстан Разиля Валеева: «Турция – наш ближайший сосед... Я думаю, мы обязаны найти общий язык и прекратить эти распри» [4]. Данная позиция является обоснованной, но только при соблюдении Турцией целого ряда условий, о которых умолчал этот депутат. Являясь российским государственным служащим, Р. Валеев никак не солидаризировался с принятым федеральным Центром решением в отношении ТЮРКСОЙ. Призывая «прекратить распри», он ни словом не обмолвился о военном преступлении, совершенном 24 ноября 2015 г. турецкими ВВС. Хотя, как руководитель ключевого комитета парламента РТ, он мог бы затронуть эти проблемы, а также поднять вопрос о выходцах из Татарстана, проникавших в ряды ИГИЛ именно через территорию Турции.

Стоит ли этому удивляться, ведь позиционирование Республики Татарстан как особого региона, где федеральные законы и политические

решения действуют лишь с одобрения региональных властей, близко и председателю парламента РТ Фариду Мухаметшину. В период набравшего силу конфликта России с одним из ведущих государств НАТО, он выступал с заявлениями о необходимости дальнейшего сохранения поста президента в Татарстане. В частности, он заявил: «чтобы переименовать президента в «главу», необходимо проводить республиканский референдум» [2].

Однако в Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» сказано, что должность высшего должностного лица (руководителя высшего органа исполнительной власти) субъекта РФ «не может содержать слов и словосочетаний, составляющих наименование должности главы государства – Президента Российской Федерации» (ст. 18, п. 6). Проведя 13 сентября 2015 г. выборы Президента Татарстана, его власти, таким образом, проигнорировали норму указанного Федерального закона. Хотя для переименования президента Татарии в его главу достаточно решения большинства депутатов Государственного совета РТ. Вместо этого Ф. Мухаметшин вбросил в публичное пространство идею о референдуме, что приведет к обострению отношений между народами этой республики.

Причины стремления татарстанских элит сохранить президентский пост связаны с их стремлением сохранить статус Татарии как особого региона, имеющего фактически конфедеративные отношения с Российской Федерацией. Такие понятия, как республика, декларация о государ-

ственном суверенитете, конституция, президент, договор, государственный татарский язык стали, по мнению некоторых местных политиков, фундаментом татарстанской государственности.

Договоры 1994 г. и 2007 г. до сих пор ошибочно воспринимаются некоторыми представителями официальной Казани как межгосударственные договоры «между Россией и Татарстаном». Между тем указанные договоры лишь распределили и взаимно делегировали некоторые полномочия между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти одного из ее субъектов. Последний подобный договор был заключен 27 июня 2007 г. сроком на 10 лет, то есть до июля 2017 г. В настоящее время это единственный договор между регионом России и федеральным Центром, все еще имеющий силу. Этот факт является свидетельством признания Кремлем особого статуса Татарстана и, соответственно, его президента, что противоречит конституционному принципу равенства всех субъектов Российской Федерации.

По мнению спикера Ф. Мухаметшина, договор 2007 г. предоставил право республике самостоятельно выбирать наименование должности ее высшего должностного лица. То есть право сохранять президентский пост. Между тем указанный Федеральный закон «Об общих принципах...» уже с 1 января 2016 г. не допускает наличие президентского поста ни в одном из российских регионов, в том числе и в Татарии. Разрешение этой политико-правовой коллизии зависит от политической воли федерального Центра.

В течение 2010–2015 гг. все российские республики отказались от должности регионального президента, приняв наименования «Глава» и/или «Председатель Правительства». Однако в конституциях некоторых республик была допущена излишняя этнизация новых названий высшего должностного лица. Так, Глава Саха (Якутии) теперь также может именоваться «Ил Дархана», а Глава Башкортостана – «Башлыгы»¹. Представляется, что руководители российских регионов должны иметь нейтральные наименования своих должностей. Особенно это касается многоконфессиональных и полиэтнических республик. В этой связи необходима более жесткая правовая норма, не допускающая появления иных именовании, кроме Главы и/или Председателя Правительства. Иначе на российском политическом ландшафте могут появиться обоснованные с культурно-исторической точки зрения названия титулов региональных руководителей, восходящих к эпохе раннего феодализма.

Возможность упразднения института президентства в Татарстане вызвала резкую критику и его первого президента Минтимера Шаймиева. После своей отставки в 2010 г. он стал Государственным советником Республики Татарстан, а также председателем попечительского совета «Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан». Этот статус позволяет М. Шаймиеву не только

контролировать политическую элиту данного региона, но и пытаться влиять на федеральную политику.

В частности, Шаймиев подверг критике пакет антитеррористических поправок к федеральным законам депутатов Федерального собрания РФ Ирины Яровой и Виктора Озерова. Их цель – в противодействии незаконной миссионерской деятельности, борьбе с подпольными молельными домами и вовлечением граждан в религиозные экстремистские группировки. Но отставной татарстанский политик призвал членов Совета федерации России отказаться от одобрения столь актуального закона, а будущих депутатов Государственной думы VII созыва – вновь вернуться к его рассмотрению. Инициативу М. Шаймиева поддержал «Всетатарский общественный центр (ВТОЦ), который в 90-е гг. выступал за полную независимость Татарстана» [1]. Данные заявления Шаймиева дали информационный повод для внешнеполитических атак на нашу страну. Так, запрещенный в РФ «Меджлис крымско-татарского народа» использовал высказывания М. Шаймиева для обвинения России в «репрессиях» в отношении мусульман [7]. Между тем, законы Яровой-Озерова направлены против целого ряда негативных социальных явлений, которые угрожают межнациональному миру и стабильности, прежде всего в таких регионах, как Татарстан.

Влияние ныне латентных сепаратистских сил может усилиться в случае развития кризисных явлений в экономике нашей страны. Так же как и в начале 1990-х гг. лидеры республик-доноров, опираясь на отряды местных националистов и зарубежные страны,

¹ Ст. 68, п. 3 Конституции Республики Саха (Якутия) (принята 4 апреля 1992 г.; в ред. 08.06.2012 г.); Ст. 82 Конституции Республики Башкортостан (принята 24 декабря 1993 г.; в ред. от 04.03.2014 г.).

– «волю народа» и «мировое сообщество» – могут потребовать прекратить вмешательство Кремля в свои внутренние дела и даже потребовать государственной независимости. В итоге, на месте некоторых нынешних квазигосударственностей в составе России могут возникнуть управляемые извне антироссийские анклавы.

Централизаторские политические шаги 2000-х гг. лишь частично укрепили единство Федерации. Однако эти меры не смогли поколебать позиции этнократий ряда республик, которым в начале 1990-х была дана фактически неограниченная власть на своих территориях. Поставив на первое место решение социально-экономических проблем и номинальное сохранение территориальной целостности страны, федеральная власть допустила ряд политтехнологических ошибок. Среди них можно выделить следующие:

- признание президентов республик РФ в качестве своих основных и единственных политических партнеров по взаимодействию;

- опора на единственную политическую партию, отказ от диалога и поддержки внутриреспубликанской системной оппозиции;

- незавершенность процесса укрупнения регионов и недостаточная влияние полномочных представителей Президента РФ на ситуацию внутри республик;

- отказ от проведения комплексной работы по искоренению политико-идеологического наследия республиканского этносепаратизма;

- отсутствие кадровых решений, направленных на замещение высокопоставленных сторонников этносепаратизма и пантюркизма лояльными

Москве политиками, чиновниками, учеными, общественными и религиозными деятелями.

Также до сих пор не дана официальная оценка итогов процесса суверенизации республик в 1990-х гг., без которой невозможно нынешнее противостояние этносепаратизму и религиозному экстремизму. Объективный анализ показывает, что суверенизация, несмотря на некоторые экономические успехи и видимую социальную стабильность, привела к целому ряду негативных последствий.

Суверенизация привела к следующим негативным социально-политическим последствиям: отъезд из республик русского и в целом «нетитульного» населения; создание моноэтнических политико-управленческих элит; фактически безальтернативные выборы региональных президентов; отчуждение граждан от публичной политики, рост социальной апатии; административное давление на СМИ блогеров, через интернет-ресурсы; принуждение к обязательному изучению государственных языков республик в школах; формирование оппозиционного Кремлю экспертного и научного пула; функционирование тренировочных лагерей национал-радикалов; возникновение оппозиционного мусульманского духовенства и лидеров радикальных исламистских группировок. Как видно, латентные сепаратистские институты в республиках функционируют и в настоящее время.

Учитывая сложившиеся геополитические реалии и наличие проблемы этносепаратизма внутри целого ряда тюркских республик, требуются государственные меры по завершению политики централизации, начатой в

2000 г. Необходимо ослабление политического влияния и полное прекращение деятельности в этих регионах антироссийских, русофобских и экстремистских общественных, образовательных и религиозных структур. Особенно имеющих штаб-квартиры в государствах блока НАТО. В этой связи, решение российской власти в отношении ТЮРКСОЙ стало одним из этапов этой необходимой работы. Контролирующие и надзорные органы должны более активно осуществлять мониторинг общественных организаций и фондов, возглавляемых или патронируемых бывшими президентами республик России.

Особенно важен контроль над молодежными и религиозными организациями, источниками их финансирования, фактическими программами обучения, целями и задачами. Недопустимо, когда потенциальные экстремисты из различных «союзов молодежи» могут проходить военно-спортивную подготовку в рамках государственных образовательных программ. Также существует проблема их поддержки

международными религиозными образовательными организациями и благотворительными фондами, деятельность которых на территории РФ должна быть прекращена. Участие российских граждан в международной террористической деятельности должна стать предметом публичной дискуссии и надлежащих мер в отношении государственных служащих соответствующего субъекта Российской Федерации. Отдельного внимания и анализа заслуживает образовательный процесс и учебная литература в религиозных и гуманитарных образовательных учреждениях тюркских республик России.

Помимо перечисленных мер, следует поддержать идею введения присяги всех государственных служащих, политических и религиозных деятелей на верность Российской Федерации, ее Президенту и народу. Решение указанных проблем является в настоящее время важнейшими политтехнологическими задачами российской власти и политологического сообщества России.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов К., Городецкая Н. Минтимер Шаймиев призывает пожертвовать спешкой // Коммерсантъ. 2016. 29 июня.
2. Галимова Н., Винокуров А. Татарстан отстаивает Президента [Электронный ресурс] / Газета.ру [сайт]. [2016]. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2016/01/28_a_8045699.shtml (дата обращения 07.09.2016 г.)
3. Минкультуры прекращает сотрудничество с организацией «ТюрКСОЙ» // Известия. 2015. 27 ноября.
4. Нигматуллин А., Самигуллина Э., Шарафиев И. Разрыв с ТЮРКСОЙ: Владимир Мединский требует от Татарстана отречься от тюркского мира [Электронный ресурс] / Бизнес Online [сайт]. [2015]. URL: <http://www.business-gazeta.ru/text/146579/> (дата обращения 07.09.2016 г.)
5. Павлова Н. Башкирия раскололась на два миллиарда // Коммерсантъ. 2010. 21 дек.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 9.07. 2002 №12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 ст.18 и статьи 30.1 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и ис-

полнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», статьи 108 Конституции Республики Татарстан, статьи 67 Конституции (Основного Закона) Республики Саха (Якутия) и части третьей статьи 3 Закона Республики Саха (Якутия) «О выборах Президента Республики «Саха (Якутия)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.07.2002. № 28. Ст. 2909.

7. Приймак А. На агиткубах оппозиции может появиться полумесяц // Независимая газета. 2016. 12 июля.
8. Федеральный закон от 08.02. 2001 г. № 3-ФЗ «О внесении дополнения в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 12.02.2001. № 7. Ст. 608.

REFERENCES

1. Antonov K., Gorodetskaya N. Mintimer Shaimiev prizyvaet pozherstvovat' speshkoi (Mintimer Shaimiev Calls to Sacrifice Haste) // Kommersant", 2016, 29 Jun.
2. Galimova N., Vinokurov A. Tatarstan otstaivaet Prezidenta [Elektronnyi resurs] [Tatarstan Stands up for the President [Electronic Source]] Gazeta.ru [sait]. [2016]. [Newspaper.ru [website]. [2016].]. – URL: http://www.gazeta.ru/politics/2016/01/28_a_8045699.shtml (request date 07.09.2016)
3. Minkul'tury prekrashchaet sotrudnichestvo s organizatsiei «TyurKSOI» (The Ministry of Culture Stops Cooperation with the "TURKSOY" Organization) // Izvestiya, 2015, 27 Nov,
4. Nigmatullin A., Samigullina E., Sharafiev I. Razryv s TYURKSOI: Vladimir Medinskii trebuet ot Tatarstana otrech'sya ot tyurkskogo mira [Elektronnyi resurs] [The Gap with TURKSOY: Vladimir Medinsky Demands that Tatarstan Renounces the Turkic World [Electronic Source]] Biznes Online [sait]. [2015]. [Business Online [website]. [2015].]. – URL: <http://http://www.business-gazeta.ru/text/146579/> (request date 07.09.2016)
5. Pavlova N. Bashkiriya raskololas' na dva milliarda (Bashkiria Has Split into Two Billions) // Kommersant", 2010, 21 Dec.
6. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 9.07. 2002 №12-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozenii punkta 5 st.18 i stat'i 30.1 Federal'nogo zakona «Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii», stat'i 108 Konstitutsii Respubliki Tatarstan, stat'i 67 Konstitutsii (Osnovnogo Zakona) Respubliki Sakha (Yakutiya) i chasti tret'ei stat'i 3 Zakona Respubliki Sakha (Yakutiya) «O vyborakh Prezidenta Respubliki «Sakha (Yakutiya)» [On the Case of Checking the Constitutionality of provisions of Item 5, Article 18 and Article 30.1 of the Russian Federation Law "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive State Authorities of Constituent Entities of the Russian Federation, article 108 of the Constitution of the Republic of Tatarstan, article 67 of the Constitution (Fundamental Law) of the Republic of Sakha (Yakutia) and the Third Part of Article 3 of the Law of the Republic of Sakha (Yakutia) "On Elections of the President of the Republic of Sakha (Yakutia)"] // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2002. no. 28. pp. 2909.
7. Priimak A. Na agitkubakh oppozitsii mozhet poyavit'sya polumesyats (Crescent May Appear on the Propaganda Cubes of the Opposition) // Nezavisimaya gazeta, 2016, 12 Jul.
8. Federal'nyi zakon ot 08.02. 2001 g. № 3-FZ «O vnesenii dopolneniya v Federal'nyi zakon "Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law 08.02. 2001 № 3-FZ "On Modification and Additions in the Federal Law "On General Principles of Or-

ganization of Legislative (Representative) and Executive State Authorities of Constituent Entities of the Russian Federation"] // *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*. 2001. no. 7. pp. 608.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Диков Андрей Борисович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Московский финансово-юридический университет (МФЮА);
e-mail: abd74@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dikov Andrei B. – Candidate of Political Sciences, Lecturer, the Department of Humanities, Moscow Finance and Law University (MFYUA);
e-mail: abd74@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Диков А.Б. Региональное президентство и институты сепаратизма в тюркских республиках России: современный этап // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 101–112.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-101-112

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Dikov. Regional presidency and the institutions of ethnic separatism in the Turkic republics of Russia: the modern stage // *Bulletin of Moscow State Regional University*. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 4. Pp. 101–112.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-4-101-112